

УДК 07.00.02

БАЛТИЙСКИЙ ВОПРОС В РАЗРЕЗЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ДОГОВОРЕННОСТЕЙ АВГУСТА И СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА

В. А. АБЛИЗИН*Саратовский
государственный
технический университет**e-mail: Ablisin@sgtu.ru*

Проанализированы советско-германские договоры по балтийскому вопросу за август – сентябрь 1939 г. Установлено, что их содержание носило незавершенный характер, т.к. каких-либо силовых действий данный вопрос не предполагал. Судьба Прибалтики зависела от того, как сложится западная кампания. Рассмотрена политическая ситуация, с которой было связано решение балтийской проблемы. В Кремле полагали, что западная операция окажется затяжной. В Москве намечался балтийский блицкриг на «немецкий манер». Однако с проблемой удалось покончить мирными средствами. Нацистская верхушка помешать такому решению не смогла, за французской кампанией замаячила английская операция. Выявлены последствия балтийских событий на характер советско-германских отношений. Решение проблемы подтолкнуло немецкое руководство ускорить подготовку русской кампании. Нацистская верхушка рассчитывала на очередной блицкриг, но осуществить его не удалось. Сделан вывод о том, что балтийская акция советского руководства лишила вермахт плацдарма, который был способен приблизить его победу в восточной операции.

Ключевые слова: договоры о взаимной помощи, секретный протокол, оккупация, аннексия, сталинское и нацистское руководство, балтийская кампания, балтийская проблема.

За шесть последних десятилетий о предыстории Великой Отечественной войне написано немало интересных работ. Тем не менее, ее многие сюжеты продолжают оставаться предметом острейших дискуссий. В числе таких сюжетов сегодня значится и балтийский аспект. Он оказался важным фактором советско-германских отношений 1939 – 1941 гг. Комплекс проблем, который, так или иначе, вытекал из данного сюжета, послужил одной из причин, которая заставил нацистскую верхушку ускорить подготовку русской кампании. Между тем на сегодня в исторической литературе по балтийской теме ощущается серьезный пробел, т.к. большинство работ по ней писались больше 15-20 лет назад¹, поэтому их материал уже изрядно устарел, тем более что сегодня рассекречены многие архивы, которые позволяют расширить представления о событиях того времени. В то же время публикации, которые появились сравнительно недавно², также не позволяют создать целостного представления о том, какое место отводилось балтийскому вопросу в начальный период Второй мировой войны, какие решения принимали советские и немецкие лидеры по данному поводу, и,

¹ См.: Прибалтика вступает в Советский Союз. (Документы об отношениях СССР со странами Прибалтики в 1939 – 1940 гг.) // Международная жизнь. 1990. № 2. С. 140-158; № 3. С. 122-140; Полпреды сообщают. Документы об отношениях СССР с Литвой, Латвией и Эстонией. Август 1939 – август 1940 г. М., 1990; 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. Таллинн, 1990; От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Таллинн, 1990; Еременко А. И. Год 1940-й. Каунас встретил цветами // Военно-исторический журнал. 1994. № 3. С. 21-33; Урбисис Ю. Литва в годы суровых испытаний 1939 – 1940 гг. Вильнюс, 1989; Венков Н. Н. «Допустить размещение войск» // Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 27-38; Орлов А. С. СССР и Прибалтика в 1939 – 1940 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 25-33; Горлов С. А. СССР и территориальные проблемы Литвы // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 20-28; Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 – август 1940 г.). М., 1990. С. 45-56; Стронг А. Л. Новый путь Литвы. М., 1990; Донгаров А. Г. СССР и страны Прибалтики. Август 1939 – август 1940 г. // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 37-49; Политические системы СССР и стран Восточной Европы в 1920-1960-е гг. М., 1991. С. 187-212.

² См.: Война и политика. 1939 – 1941 гг. М., 1999. С. 196-205; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939 – 1941 гг. Сб. ст. М., 1999. С. 195-201; Крысин М. Ю. Прибалтика между Гитлером и Сталиным. М., 2004. С. 41-70; Он же. Прибалтийский фашизм. М., 2007. С. 49-89.

наконец, как данные решения зависели от политической ситуации. Настоящая статья пытается ответить на эти вопросы.

23 августа 1939 г. произошло оформление советско-германского секретного протокола. Польский и балканский сюжеты не встретили серьезных трудностей, сложности возникли с балтийским вопросом. Из записей начальника главного командования сухопутных сил (Oberkommando der Heeres – ОКХ) генерал-полковника Ф. Гальдера следует, что накануне подписания соглашения Гитлер «напутствовал» своего министра иностранных дел И. Риббентропа «сохранить в балтийских республиках немецкое влияние за счет передачи русским польских и балканских земель»³. Но достигнуть намеченного министру не удалось. Риббентроп вспоминал: «Твердость советской дипломатии проявилась в вопросе о Прибалтийских странах, на который русские претендовали как на сферу своих интересов. Хотя, вспоминает министр, я и имел неограниченные полномочия для заключения договора, я счел правильным, учитывая значение русских требований, запросить фюрера»⁴. Переговоры были временно прерваны и возобновились только, после того как германская делегация получила гитлеровское согласие. В конце-концов по балтийскому вопросу стороны согласились с тем, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия и Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР»⁵.

Сегодня у большинства историков факт обсуждения документа не вызывает каких-либо сомнений. Тем не менее, оживленные дискуссии о его содержании и значении по-прежнему не утихают. Каждый раз полемику оживляет то, что в протоколе содержалось большое количество неточностей и погрешностей, которые не удалось выправить даже после вторичного обсуждения документа, в частности, рубежи, на которых остановились участники переговоров, не всегда отвечали его параграфам. Так, например, было с буковинским и виленским вопросом. Многие авторы полагают, что гитлеровское руководство было так сильно заинтересовано в сближении, что было готово «безоговорочно» признать за советскими коллегами их интересы⁶. Но, очевидно, что так обстояло с балканским сюжетом, который был более всего далек от решения в тот непростой момент. Балтийский сюжет не выглядел таким сложным и путанным. Известно, что накануне переговоров германское командование подготовило вариант насильственной оккупации республики⁷. Не исключено, что советская разведка располагала данными о готовящейся операции. Некоторые исследователи, поэтому полагают, что стороны по балтийскому поводу каких-либо письменных соглашений не подписывали. Они считают, что в обсуждении польского вопроса и были сделаны записи, поскольку по сравнению с другими аспектами сюжет был все-таки наиболее важным⁸. Известно, что его обсуждение длилось больше четырех часов⁹, больше, чем какой-либо другой вопрос. В результате терпения торговаться по балтийской и балканской проблемам могло бы не остаться. Видимо, поэтому в заключение переговоров и была сделана преамбула, из которой следовало, что «спорные вопросы в будущем стороны решат в обоюдном порядке»¹⁰. Поэтому не исключено, что по балтийскому и балканскому сюжетам было оформлено так называемое «английское соглашение», которое затем и приняли за секретный протокол. **Мириться** с таким положением сталинское руководство не хотело. 25 сентября Кремль проинформировал Берлин о своем желании уточнить августовские соглашения¹¹. 28 сентября начались новые переговоры. В рейхсканцелярии вначале полагали,

³ См.: Гальдер Ф. Военный дневник. (1939 – 1942 гг.). В 3 кн. М., 1968. Кн. 1. С. 35.

⁴ Риббентроп И. Между Лондоном и Москвой. М., 1995. С. 142.

⁵ Год кризиса 1938 – 1939. Документы и материалы. В 2 кн. М., 1990. Кн. 2. С. 321.

⁶ См.: Небезин В. А. Синдром наступательной войны. 1939 – 1941 гг. М., 1997. С. 123, 145-146; Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. 1939 – 1941 гг. М., 2000. С. 211, 213-215; Роговин А. В. Конец означает начало // [http // trst. narod. ru](http://trst.narod.ru).

⁷ См.: Kriegstagebuch Oberkommando der Wehrmacht. Bd. 12. Frankfurt, 1979. Bd. 6. S. 87.

⁸ См.: Емельянов Ю. В. Европа судит Россию. М., 2006. С. 314-315; Емельянов Ю. П. Прибалтика. Почему они не любят «Бронзового солдата». М., 2007. С. 231-232.

⁹ Риббентроп И. Указ. соч. С. 152.

¹⁰ Auswärtige deutsche Politik 1939 – 1941. Bd. 11. Baden – Baden, 1977. Serie B. Bd. 8. S. 323.

¹¹ См.: Auswärtige deutsche Politik 1939 – 1941...Serie B. Bd. 8. S. 325.

что «русские согласятся» передать им больше половины литовских земель. Риббентроп впоследствии вспоминал, что его второй визит в советскую столицу должен был быть, «к сожалению, слишком кратким, даже слишком кратким»¹². Оптимизм немецких лидеров строился не на пустом месте. Москва незадолго до начала переговоров предложила два варианта нового секретного протокола. Его первая версия сводилась к уточнению старого протокола, вторая – предполагала «разменяться» в литовском вопросе. В Кремле вначале планировали ограничиться первым вариантом¹³. Однако в последнюю минуту советская сторона потребовала согласиться признать ее интересы в Литве¹⁴. Изменить свое мнение советских лидеров заставили сведения разведки о том, что вермахт изготавился к балтийской операции¹⁵. Для гитлеровского правительства ультиматум стал неприятной неожиданностью. Но Берлина уступил, поскольку он, планируя западную кампанию, по-прежнему нуждался в советской поддержке. В связи с этим в отечественной и зарубежной историографии распространено мнение о том, что в сентябрьский секретный протокол окончательно «закрепил» за сталинской дипломатией «карт-бланш» в балтийском вопросе¹⁶. Но согласиться с таким мнением нельзя. Каждая сторона понимала, что судьба вопроса зависит от того, кто уже в будущем окажется смелее и сильнее.

В сентябре-октябре 1939 г. советское правительство предложило балтийским странам заключить договора о взаимной помощи. В качестве давления был использован мощный ударный «кулак у западной границы»¹⁷. Рига, Таллинн, Каунас под давлением такого фактора согласились с советскими требованиями, в республиках появились советские гарнизоны. 25 октября 1939 г. И. В. Сталин в разговоре с секретарем ИККИ Г. Димитровым признался, что с «балтийскими соседями мы нашли ту форму поведения, которая позволит нам поставить в орбиту советского влияния ряд стран. Но для этого нам надо выдержать – строго соблюдать их внутренний распорядок и суверенитет». Он сказал, что «мы не будем добиваться их немедленной советизации, придет время, когда они сами это сделают»¹⁸. Некоторые отечественные и зарубежные авторы в связи с этим считают, что сталинское руководство не форсировало события только потому, что с самого начала было абсолютно уверено в удачном решении балтийского вопроса¹⁹. Но согласиться с таким мнением нельзя, будущее проблемы зависело от перспективы западной кампании. Военное и партийное руководство рейха не было довольно укреплением германо-советских отношений. Руководитель 2-го управления армейской разведки (*по организации диверсий на вражеских территориях – автор*) подполковник Г. Гросскурт записал в своем дневнике, что «в верхушке вермахта и правительства царит возмущение по поводу того, что фюрер дал большевикам возможность беспрепятственно продвинуться вперед»²⁰. Гитлер между тем тоже не питал иллюзий насчет того, что сможет произойдет с балтийскими странами, если остаться в стороне от событий. Но почему же в таком случае он так быстро смирился с советскими условиями, только ли потому, что за польской операцией нацистское руководство планировало западную кампанию и, поэтому оно по-прежнему нуждалось в поддержке и помощи советского партнера? Нет, конечно. Нацистская верхушка полагала, что сталинские амбиции удастся «сдержать» громкими победами вермахта на западе. 6 октября Гитлер на заседании рейхстага заявил, что «никаким договором нельзя обеспечить длитель-

¹² Риббентроп И. Указ. соч...С. 158.

¹³ См.: Верховский Я. Г. Тайный «сценарий» начала войны. М., 2005. С. 115.

¹⁴ Waizsackker-Papiere 1939 – 1950. Frankfurt, 1974. S. 57.

¹⁵ См.: РГВА. Ф. 29. Оп. 5. Д. 597. Л. 127.

¹⁶ См.: Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939 – 1941 гг. М., 1992. С. 47-48, 96; Волкогонов Д. А. Сталин. В 2 кн. М., 1997. Кн. 2. С. 34-35, 43, 47; Материалы «круглого стола». Начало Второй мировой войны // Славяноведение. 2000. № 6. С. 75, 78; Fabry Ph. W. Der Hitler-Stalin Pakt 1939 – 1941. Darmstadt, 2002. S. 58, 63, 65-67; Фест И. Адольф Гитлер. В 3 кн. Пермь, 1993. Кн. 3. С. 46, 52-53.

¹⁷ См.: Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 179-182.

¹⁸ Цит. по: Наринский М. М. Кремль и Коминтерн 1939 – 1941 гг. // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 16-17.

¹⁹ См.: Fabry Ph. W. Der Hitler-Stalin Pakt...S. 98, 103-105; Kirhmaier K. Krieg und Frieden. 1939 – 1941. Darmstadt, 2000 S. 123, 148-151; Knoller W. Die Determinanten und Strukturen der sowjetischen Politik 1939 – 1941. Berlin, 1999. S. 192-193, 203-207.

²⁰ Grosscurt H. Tagebucher eines Abwehroffiziers 1939 – 1940. Stuttgart, 1970. S. 208.

ный нейтралитет большевиков, прочная гарантия от сталинских сюрпризов заключена в демонстрации германского могущества»²¹.

Советско-финская война 1939–40 гг. явилась «приятным подарком» для немецких лидеров. На примере зимних боев нацистское руководство убедилось, что советская империя – «колосс на глиняных ногах»²². Но подобный взгляд продержался недолго. 10 мая 1940 г. вслед за победной северной кампанией дивизии вермахта начали боевые действия на западе. Советские лидеры рассчитывали, что начатая операция окажется для рейха «кровавой и затяжной». Москва, поэтому взялась за разработку балтийской операции²³. Многие историки считали, что ее подготовка была продиктована активизацией в регионе пронемецких сил. Сталинское руководство, полагают авторы, считалось с возможностью фашистского переворота. По их мнению, советские лидеры опасались, что немецкая сторона совершит оккупацию республик уже летом или осенью 1940 г.²⁴. Имеющиеся документы о таком развитии событий не сообщают. Тем не менее, очевидно, что торопиться с решением проблемы Кремль заставили громкие победы вермахта на западе. Зарубежные дипломаты задним числом фиксировали, что акции русских в балтийском вопросе продиктованы «необычным психозом» сталинского руководства²⁵.

В середине июня у балтийских границ был создан мощный «ударный кулак». В Кремле рассчитывали использовать данный фактор для того, чтобы склонить балтийских лидеров к перетасовке своих кабинетов министров в просоветском духе, но те не поняли или не захотели понять очевидного намека. Подготовка военной операции, поэтому набирала обороты²⁶. Советским военным уже мерещился блицпоход на немецкий манер. Но кремлевские лидеры не были уверены в таком развитии событий, западная кампания уже близилась к завершению. Берлинские газеты, захлебываясь от побед немецкого оружия, так писали о своих генералах: «Их волшебное слово – это скорость и смелость, это главный секрет их быстрых и громких побед, они ошеломляют противника, захватывают его врасплох, обходят его, неожиданно, появляются у него глубоко в тылу, атакуют, окружают, используя свой гений, преодолевая все мыслимые препятствия, подобно скальпелю хирурга, их танковые колонны нарезают на континенте кровавые и длинные дороги»²⁷. Советских лидеров притягивали скорость и смелость немецких марш-бросков, но повторить их в балтийском регионе они не спешили. В середине июня 1940 г. писатель В. Вишневский, который как никто другой знал о настроениях верхов (он входил в группу редакторов при Политическом управлении РККА – автор) записал в своем дневнике: «Германия всасывает одну страну за страной, тяжело думать, что их организация может быть действительно выше всех организаций в мире, машинность, дисциплина, автоматизм и немного мистики привели к тому, что за последние три месяца с карты мира исчезли пять европейских стран, есть над чем подумать, а мы думали и изучали это явление совершенно недостаточно, за что в будущем мы можем поплатиться»²⁸.

Победы немецкого оружия заставили сталинское руководство считаться с немецким мнением в балтийском вопросе. Сначала в Кремле «обсуждали» возможность «перестановок» в прибалтийских правительствах так, чтобы оставить там нескольких пронемецки настроенных политиков²⁹. Однако в последний момент от такого варианта отказались. Советская разведка, ссылаясь на сведения берлинской агентуры, сообщила, что 14 июня германское руководство по планированию морскими операциями (Oberkommando der Kriegsmarine – ОКМ) на военном совещании попыталось привлечь внимание фюрера к активности русских в балтийском вопросе. Однако, как явствует из сообщений советских нелегалов, «о позиции русской стороны и о ее возможном влиянии на перспективы германо-советских

²¹ Нюрнбергский процесс. Документы и материалы. В 8 т. М., 1987. Т. 3. С. 357.

²² Grosscurt H. Tagebucher eines Abwehroffiziers...S. 288.

²³ См.: Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 192–194.

²⁴ См.: Сиполс В. Я. Тайны дипломатические. 1939 – 1941 гг. М., 1997. С.214–223; Крысин М. Ю. Прибалтийский фашизм...С. 164–177; Вишнев В. О. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 11–17.

²⁵ Советско-румынские отношения 1917–1941 гг. Документы и материалы. В 2 кн. М., 2000. Кн. 2. С. 317.

²⁶ См.: Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 196–208.

²⁷ См.: «Völkischer Beobachter». 1940. 15 Junie.

²⁸ РГВА. Ф. 29. Оп. 5. Д. 625. Л. 203.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1026. Л. 123.

отношений не было произнесено ни слова»³⁰. Сообщение придало сталинскому руководству уверенности. 15 и 16 июня Москва потребовала от Риги, Таллинна и Каунаса сформировать правительства, которые были бы способны обеспечить четкое выполнение условий договора о взаимной помощи, и, во-вторых, согласиться с размещением на своей территории дополнительных контингентов Красной Армии. Прибалтийские республики в тот же день согласились с советскими условиями, опасаясь военных действий, результат которых не вызывал каких-либо сомнений.

17 июня Москва проинформировала Берлин о балтийских событиях. Заявление ошеломило немецких лидеров. До последнего момента они полагали, что в данном вопросе русские оставят за лимитрофами их формальную независимость, которая бы позволила им сохранить в регионе «паритет» с русскими. И. Риббентроп в своих мемуарах доказывал, что на переговорах с советскими коллегами было достигнуто «джентльменское соглашение», в соответствии с которым, как он писал, советская сторона будто бы «пообещала» не касаться внутренней структуры балтийских республик³¹. Но к моменту решения проблемы подробности соглашения нацистским руководством были уже подзабыты, «гарантом» сдерживания сталинских амбиций в балтийском регионе служили немецкие победы на западе. Однако в рейхсканцелярии придавали им слишком большое значение. Быстрое вступление советских батальонов в прибалтийские республики ошеломило немецких лидеров. Это обстоятельство заставило их признать, что сталинская военная машина не такая уж «неповоротливая» и «беспомощная», как это показалось им по итогам советской финской кампании, более того, они поняли, что в решающий момент советские коллеги даже способны рисковать так же, как немецкие дивизии это делали в австрийском и судетском «аншлюсе». Мириться с таким положением было не просто, но изменить ситуацию было нельзя, близилась английская кампания. Поэтому нацистская верхушка по-прежнему нуждалась в спокойствии на востоке. Однако сюрпризы там следовали один за другим. «В конце июня 1940 г. сталинское руководство взялось за решение бессарабской и буковинской проблемы. На Балканах запахло войной, но нацистская верхушка не могла этого допустить, регион превращался в «сырьевой» придаток рейха. В сложившейся ситуации германское правительство «посоветовало» румынским коллегам как можно скорее уступить русским притязаниям³². Поддержка Берлина в решении южной проблемы ускорила развязку в балтийском сценарии. В середине июля под пристальным советским контролем прибалтийские республики объявили о своем вхождении в состав СССР³³.

Таким образом, в результате «исправления» своих северных и южных границ Советский Союз вплотную приблизился к той «линии», которая издавна считалась «рубежом», дальше которого русских на западе не было принято пускать. В Берлине, между тем, не были уверены, что сталинское руководство остановится на достигнутых рубежах. Нацистская верхушка полагала, что в самом ближайшем будущем последуют очередные, не менее болезненные «сюрпризы» в балканском или балтийском регионе. Однако уступать советским притязаниям в рейхсканцелярии уже больше не хотели. По требованию фюрера, командование вермахта тотчас же взялось за подготовку восточной кампании³⁴. Немецкое руководство рассчитывало на очередной блицкриг, но его расчетам не суждено было сбыться уже в самом начале восточной операции. И в не последнюю очередь причину того, почему так произошло, следует искать в советской довоенной политике. У. Черчилль впоследствии свидетельствовал: «В пользу русских необходимо признать, что им было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции немецких солдат, с тем, чтобы успеть собрать силы со всех концов своей огромной империи. В умах русских каленым железом отложились катастрофы, которые потерпели их армии в начале Первой мировой войны, когда они бросились в наступление на немцев, еще не закончив мобилизации, а теперь их границы были значительно восточнее». Поэтому, — резюмирует он, — «ес-

³⁰ РГВА. Ф. 28. Оп. 3. Д. 587. Л. 223.

³¹ Риббентроп И. Указ. соч. С. 178.

³² См.: Советско-румынские отношения... Кн. 2. С. 302-339.

³³ См.: «Правда». 1940. 17 июля; «Известия» 1940. 18 июля.

³⁴ См.: Вторая мировая война. 1939 – 1945 гг. В 12 т. М., 1974. Т. 2. С. 387-390.

ли сталинская политика и была предельно расчетливой, то она была также в тот момент и в высокой степени реалистичной»³⁵ – то есть, признает премьер, она «соответствовала» тогдашней политической ситуации. Нельзя не согласиться с данным мнением. Однако, принимая такую версию, не следует забывать, что советское руководство вершило свою внешнюю политику в немалой степени, исходя из имперских амбиций. Но и в данном случае, надлежит учитывать, что кремлевская дипломатия практически не отличалась от политики ведущих мировых держав того времени «ни чистотой, ни благородством, ни дьявольским коварством» – лидеры того времени признавали, что «охотничьи повадки и хитрости считались обычным явлением для ведущих держав», тем более, если это напрямую касалось их будущего. Размещение советских гарнизонов в балтийском регионе было, конечно же, первым шагом на пути его постепенной, болезненной советизации. Но даже если сталинские действия и оценить с современных позиций, как «аморальные» и «агрессивные», все же нельзя не признать, что кремлевская дипломатия в балтийском вопросе способствовала возникновению тех «кровавых рубежей», с которых для вермахта началась кровавая русская кампания. И если бы советские гарнизоны не появились на балтийских землях, не подлежит сомнению тот факт, что вслед за польской или западной операцией немецкие солдаты без серьезного сопротивления оккупировали бы и прибалтийские республики. В таком случае с началом боевых действий на востоке немецкие grenadiers оказались бы у ленинградских и московских рубежей не в зимние холода, а раньше, в наиболее благоприятный для себя момент. Следовательно, наша победа над фашизмом была бы оплачена еще более высокой ценой. Не исключено, что в таком случае советским генералам пришлось бы даже проводить Новосибирскую и Челябинскую оборонительные операции.

THE BALTIC QUESTION IN THE CONTEXT OF THE SOVIET-GERMAN AGREEMENT OF AUGUST AND SEPTEMBER OF THE YEAR 1939

W. A. ABLISIN

*The Saratov State
Technical University*

e-mail: Ablisin@sgtu.ru

The Soviet-German contracts on the Baltic question for August and September, 1939 are analyzed. It has been established that their maintenance had not completed character since the given question did not assume any power actions. The destiny of Baltic depend on how there will be a western campaign. The political situation with which the decision of the Baltic problem has been connected is considered. In the Kremlin believed, that the western operation will appear long. The Baltic blitzkrieg was outlined in Moscow on «German of manners». However with a problem it was possible to finish peace means. The Nazi top prevents to such decision could not, behind the French campaign English operation has loomed. Consequences of the Baltic events on character of Soviet-German attitudes are revealed. The decision of a problem has pushed a Nazi management to accelerate preparation of Russian campaign. The Nazi top counted on the next blitzkrieg, but to carry out it was not possible. It is drawn a conclusion that the Baltic action of the Soviet management has deprived вермахт with jumping-off place which was capable to approach its victory over east operation.

The key-words: the agreements about mutual aid, the secret record of proceeding, occupation, annexation, Stalin's leaders, the Nazi government, the Baltic and the Western company, the Baltic problem.

³⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. В 3 т. М., 1990. Кн. 2. С. 287.